

Герои

*Елизавета Федоровна
и Александра Федоровна Романовы
на торжествах прославления
преподобного Серафима Саровского.
Дивеево, 1903*

XX век

Многие наши современники воспринимают начало XX века как эпоху цветения России: поет Шаляпин, пишут Чехов, Гумилев и Блок, реформируют театр Станиславский и Немирович-Данченко, бешено развивается техника, Россией правит истинно православный государь, Церковь еще не знает позора и унижения будущих десятилетий советской тьмы... Благодать! Но в то же время страна разодрана политическими страстями, сотни тысяч солдат вернулись с ратных полей Русско-японской войны в угрюмом озлоблении, террор наносит обществу многочисленные раны, интеллигенция пуще жизни возлюбила оккультизм, а простой народ ударился в сектантство. Кровавый младенец революции уже показал голову из преисподней. Корысть, ложь и злоба волнами перекатываются по русским просторам...

В таких условиях героизмом иногда было просто остаться в стране, продолжать заниматься своим делом, исполнять свой долг. Особенно тем, над чьими головами угроза нависла в первую очередь, — членам императорской фамилии. Среди таких людей, кто спокойно и с достоинством смотрел в лицо смерти, были супруги Сергей Александрович и Елизавета Федоровна Романовы.

Елизавета Федоровна и Сергей Александрович Романовы

История любви. История лжи

Имя великого князя Сергея Александровича Романова произносится сегодня, как правило, только в связи с именем его жены, преподобномученицы Елизаветы Федоровны. Она действительно была выдающейся женщиной с необыкновенной судьбой, но князь Сергей, оставшийся в ее тени, оказывается, как раз играл в этой семье первую скрипку. Их брак не раз пытались очертить, назвать безжизненным или фиктивным, в конце концов, несчастным, или, наоборот, идеализировали. Но эти попытки неубедительны. После гибели мужа Елизавета Федоровна сожгла свои дневники, но сохранились дневники и письма Сергея Александровича, они и позволяют нам заглянуть в жизнь этой исключительной семьи, тщательно скрываемую от посторонних взглядов.

Не такая простая невеста

Решение о женитьбе было принято в нелегкое для великого князя Сергея Александровича время: летом 1880 года скончалась его мать, Мария Александровна, которую он обожал, а меньше чем через год бомба народовольца Игнатия Гриневицкого оборвала жизнь его отца, императора Александра II. Пришло время ему вспомнить слова воспитательницы, фрейлины Анны Тютчевой, которая писала молодому князю: «По вашей натуре Вам надо быть женатым, Вы страдаете в одино-

Уехать из предреволюционной России великой княгине Елизавете Федоровне Романовой, урожденной принцессе Гессен-Дармштадтской, предлагали не раз: дважды пытался уговорить Елизавету посол ее родной страны, Германии, Вильгельм фон Мирбах, и, будучи внучкой британской королевы, она могла бы без труда укрыться на Туманном Альбионе. Но великая княгиня отвечала: «Я никому ничего дурного не сделала. Да будет воля Господня!» — и категорически отказывалась покидать бурлившую страну. И страна, в конце концов, расправилась с ней жестоко и бесчеловечно. В этом же страшном котле сгинул и ее муж, великий князь Сергей Александрович, взорванный террористом в самом сердце столицы. Он тоже никогда не думал спасать себя: неоднократно получая угрозы, не только не усиливал охраны, но, наоборот, стал ездить один, чтоб не подвергать опасности никого из свиты. Им не суждено было наслаждаться безоблачным семейным счастьем, эти мужественные люди оказались на пике тяжелейшей эпохи в истории России. И несмотря ни на что, все-таки умели быть просто счастливой семьей. Об их личной жизни мало что известно, она овеяна мифами и сплетнями по сей день. Мы решили рассказать историю Елизаветы и Сергея с самого начала.

Супруги великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна в год свадьбы. 1884

Вопреки распространенному мнению, они не жили в т. н. «белом браке»: великий князь мечтал о детях. «Должно быть, не суждено нам иметь полного счастья на земле, — писал он своему брату Павлу. — Если б я имел бы детей, то мне кажется, для меня был бы рай на нашей планете, но Господь именно этого не хочет — Его пути неисповедимы!»

честве». У Сергея Александровича действительно было несчастное свойство углубляться в себя, заниматься самоедством. Ему нужен был близкий человек... И он такого человека нашел.

1884 год. Элла — одна из красивейших невест Европы. Сергей — один из самых завидных женихов, пятый сын императора Александра II Освободителя. Судя по дневникам, впервые они встретились, когда великая герцогиня Гессенская и Рейнская Алиса-Мод-Мэри, супруга Людвига IV, была на последних

месяцах беременности будущей супругой великого князя. Сохранилась фотография, где она сидит вместе с захватившей в Дармштадт российской императрицей Марией Александровной и ее семилетним сыном Сергеем. Когда российское венценосное семейство возвращалось в Россию из своего путешествия по Европе, они снова заехали к родственникам в Дармштадт, и маленькому великому князю позволили присутствовать при купании новорожденной Эллы — его будущей жены.

Почему Сергей сделал выбор именно в пользу Елизаветы, ускользнуло от внимания его родных и воспитателей. Но выбор был сделан! И хотя Элла и Сергей оба испытывали сомнения, в конце концов, в 1883 году миру было объявлено об их помолвке. «Я дал свое согласие не колеблясь, — сказал тогда отец Эллы, великий герцог Людвиг IV. — Я знаю Сергея с детского возраста; вижу его милые, приятные манеры и уверен, что он сделает мою дочь счастливой».

Сын русского императора взял в жены провинциальную немецкую герцогиню! Вот привычный взгляд на эту блестящую пару — и тоже миф. Не так просты были Дармштадтские герцогини. Елизавета и Александра (ставшая последней российской императрицей) — родные внучки по матери королевы Виктории, с 18 лет и до кончины в старости — бесценной правительницы Великобритании (императрицы Индии с 1876 года!), человека строгой морали и железной хватки, при которой Британия достигла своего расцвета. Официальный титул Елизаветы Федоровны, перешедший всем гессенским принцессам, — герцогиня Великобританская и Рейнская: они принадлежали ни больше ни меньше к роду, правившему на тот момент третьей частью суши. И этот титул — по всем правилам этикета — унаследовали от матери, императрицы Александры Федоровны, дочери последнего русского императора Николая II.

Таким образом, с британской короной Романовы породнились благодаря Алисе Гессенской — как и ее мать Виктория, необыкновенно сильной женщине: выйдя замуж за немецкого герцога, Алиса

вынуждена была столкнуться с привередливостью немцев, не очень охотно принимавших английскую принцессу. Тем не менее однажды она на протяжении девяти месяцев возглавляла парламент; развернула широкую благотворительную деятельность — основанные ею богадельни действуют в Германии по сей день. Ее хватку унаследовала и Элла, и впоследствии ее характер даст о себе знать.

А пока Елизавета Дармштадтская, хоть и чрезвычайно благородная и образованная, но несколько ветреная и впечатлительная молодая особа, в письмах жениху обсуждает магазины и красивые безделушки. Подготовка к их с Сергеем Александровичем свадьбе держалась в строжайшей тайне, и вот летом 1884 года девятнадцатилетняя гессенская принцесса прибыла в украшенном цветами поезде в столицу Российской империи.

«Он часто относился к ней, как школьный учитель...»

На публике Елизавета Федоровна и Сергей Александрович были, в первую очередь, высоко-

поставленными особами, возглавляли общества и комитеты, а их человеческие отношения, их взаимная любовь и привязанность держались в тайне. Сергей Александрович прилагал все усилия к тому, чтобы внутренняя жизнь семьи не становилась достоянием общественности: у него было множество недоброжелателей. Из писем мы знаем больше, чем могли знать современники Романовых.

«Он рассказывал мне о своей жене, восхищался ей, хвалил ее. Он ежечасно благодарит Бога за свое счастье», — вспоминает князь Константин Константинович, его родственник и близкий друг. Великий князь действительно обожал свою жену — он любил дарить ей необыкновенные драгоценности, делать ей маленькие подарки по поводу и без. Обходясь с ней временами строго, в ее отсутствие не мог нахвалиться Елизаветой. Как вспоминает одна из его племянниц (в будущем — королева Румынии Мария), «дядя часто был резок с ней, как и со всеми другими, но поклонялся ее красоте. Он часто относился к ней, как школьный учитель. Я видела восхитительную краску стыда, которая заливала ее лицо, когда он бранил ее. “Но, Серж...” — восклицала она тогда, и выражение ее лица было подобно лицу ученицы, уличенной в какой-нибудь ошибке».

Вопреки распускаемым тогда слухам, это был по-настоящему счастливый брак. На десятилетие супружеской жизни, которое пришлось на разгар Русско-японской войны, князь записал в дневнике: «С утра я в церкви, жена — на складе*. Господи, за что мне такое счастье?» Их жизнь действительно была служением с максимальной отдачей всех сил и способностей, но об этом мы еще успеем сказать.

Их жизнь действительно была служением с максимальной отдачей всех сил и способностей.

Что же она? В письме к брату Эрнесту Элла называет мужа «настоящим ангелом доброты». Великий князь стал во многом учителем своей супруги, очень мягким и ненавязчивым. Будучи на 7 лет старше, он действительно в большой степени занимается ее образованием, учит русскому языку и культуре, знакомит с Парижем, показывает ей Италию и берет ее в поездку на Святую землю. И, судя по дневникам, великий князь не переставал молиться, надеясь, что когда-нибудь жена разделит с ним главное в его жизни — его веру и Таинства Православной Церкви, к которой он принадлежал всей душой.

Необыкновенная религиозность — черта, отличавшая великого князя с детства. Когда семилетнего Сергея привезли в Москву и спросили: чего бы тебе хотелось? — он ответил, что самое его заветное желание — попасть на архиерейскую службу в Успенский собор Кремля. Впоследствии, когда взрослым молодым человеком он встречался во время поездки по Италии с Папой Римским

* Склад пожертвований в пользу воинов, организованный при содействии Елизаветы: там шили одежду, заготавливали бинты, собирали посылки, формировали походные церкви. — Ред.

▼ Великий князь Сергей Александрович. 1861

◀ Принцесса Гессенская и Великобританская Элла.
Начало 1870-х гг.

▲ Великокняжеская чета в гостях у дармиштадтских родственников. Великая княгиня Елизавета Федоровна — вторая справа; вторая слева — принцесса Алиса, будущая императрица Александра Федоровна

► Сергей Александрович и Елизавета Федоровна на Святой земле. Гефсимания, храм святой Марии Магдалины, 1888

Львом XIII, тот поражался знанию великим князем церковной истории — и даже велел поднять архивы, чтобы проверить приведенные Сергеем Александровичем факты. Записи в его дневниках всегда начинались и заканчивались словами: «Господи, помилуй», «Господи, благослови». Он сам решал, что из церковной утвари следует привезти на освящение храма святой Марии Магдалины в Гефсимании (тоже его детище) — блестяще зная как богослужение, так и всю его атрибутику! И, кстати, Сергей Александрович был первым и единственным из великих князей дома Романовых, кто за свою жизнь трижды совершил паломничество на Святую землю. Причем первое отважился проделать через Бейрут, что было крайне трудно и далеко не безопасно. А во второе взял с собой жену, тогда еще протестантку...

«Быть одной веры с супругом — правильно»

В их родовом имении Ильинском, где Сергей Александрович и Елизавета Федоровна провели

счастливейшие дни своей жизни, начиная с медового месяца, сохранился храм, теперь он снова действует. По преданию, именно здесь слушала свое первое православное богослужение тогда еще протестантка Элла.

Елизавете Федоровне по статусу было необязательно менять вероисповедание. Пройдет 7 лет после замужества, прежде чем она напишет: «Мое сердце принадлежит Православию». Злые языки говорили, что к принятию новой веры Елизавету Федоровну активно подталкивал ее супруг, под чьим безусловным влиянием она находилась всегда. Но, как писала отцу сама великая княгиня, муж «никогда не старался принудить меня никакими средствами, предоставляя все это совершенно одной моей совести». Все, что он делал, — мягко и деликатно знакомил ее со своей верой. И сама княгиня очень серьезно подошла к этому вопросу, изучая Православие, присматриваясь к нему очень внимательно.

Приняв, наконец, решение, Элла первым делом пишет своей влиятельной бабушке королеве Виктории — они всегда были в добрых отношениях. Мудрая бабушка отвечает: «Быть со своим супругом одной веры — это правильно». Совсем не столь благосклонно принял решение Елизаветы Федоровны ее отец, хотя трудно придумать более ласковый и тактичный тон и более искренние слова, какими Элла умоляла «дорогого Папу» о благословении на решение перейти в Православие:

«... Я все время думала и читала и молилась Богу — указать мне правильный путь, и пришла к заключению, что только в этой религии я могу найти всю настоящую и сильную веру в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином. Это было бы грехом оставаться так, как я теперь — принадлежать к одной Церкви по форме и для внешнего мира, а внутри себя молиться и верить так, как и мой муж <...> Я так сильно желаю на Пасху причаститься Св. Тайн вместе с моим мужем...»

Герцог Людвиг IV не ответил дочери, но против своей совести она пойти не смогла, хотя признавалась: «Я знаю, что будет много неприятных

▲ Великая княгиня Елизавета Федоровна
за занятиями живописью. Конец 1880-х гг.

▲ Лазарет Елизаветы Федоровны в Ильинском. 1906

моментов, так как никто не поймет этого шага». Так, к неопишуемому счастью супруга, пришел день, когда они смогли вместе причаститься. И третье, и последнее в его жизни, путешествие на Святую землю уже совершили вместе — во всех смыслах.

90 обществ великого князя

Великий князь был одним из инициаторов создания и до самой гибели — председателем Императорского Православного Палестинского общества, без которого сегодня невозможно представить себе историю русского паломничества на Святую землю! Став во главе Общества в 1880-х годах, он умудрился открыть в Палестине 8 подворий Русской Православной Церкви, 100 школ, где арабских детей обучали русскому языку и знакомили с Православием, построить в честь матери храм Марии Магдалины — вот неполный перечень его дел, причем осуществлялось все это довольно тонко и хитро. Так, иногда князь выделял деньги на строительство, не дожидаясь оформления разрешительной документации, так или иначе обходя множество препятствий. Существует даже предположение, что его назначение в 1891 году генерал-губернатором Москвы — хитроумная политическая интрига, придуманная разведками недовольных Англии и Франции — кому понравится «хозяйничание» России на территории их колоний? — и имевшая своей целью отстранение князя от дел на Святой земле. Как бы то ни было, расчеты эти не оправдались: князь, кажется, только удвоил свои усилия!

Трудно представить, насколько деятельными людьми были Елизавета и Сергей, сколько они успели сделать за свою, в общем, недолгую жизнь! Он возглавлял или был попечителем около 90 обществ, комитетов и других организаций, причем находил время принимать участие в жизни каждого из них. Вот лишь некоторые: Московское архитектурное общество, Дамское попечительство о бедных в Москве, Московское филармоническое общество, Комитет по устройству при Московском университете Музея изящных искусств имени императора Александра III, Московское археологическое общество и др. Он состоял почетным членом Академии наук, Академии художеств, Общества художников исторической живописи, Московского и Петербургского университетов, Общества сельского хозяйства, Общества любителей естествознания, Русского музыкального общества, Археологического музея в Константинополе и Исторического музея в Москве, Московской духовной академии, Православного миссионерского общества, Отдела распространения духовно-нравственных книг.

С 1896 года Сергей Александрович — командующий Московским военным округом. Он же — председатель Императорского Российского Исторического музея. По его инициативе был создан Музей изобразительных искусств на Волхонке — в основу его экспозиции он заложил шесть собственных коллекций.

Став в 1891 году генерал-губернатором Москвы, — а это означало попечение не только о Москве, но и о десяти прилегающих к ней губерниях — он развернул невероятную деятельность, задавшись целью сделать город равным европейским столицам. Москва при нем стала образцовой: чистая, аккуратная брусчатка, городские, выставленные в зоне видимости друг друга, все коммунальные службы работают идеально, порядок везде и во всем. При нем налажено электрическое освещение улиц — построена центральная городская электростанция, возведен ГУМ, отреставрированы башни Кремля, построено новое здание Консерватории; при нем по первопре-

стольной стал ходить первый трамвай, открылся первый общедоступный театр, а центр города был приведен в идеальный порядок.

Благотворительность, которой занимались Сергей Александрович и Елизавета Федоровна, не была ни показной, ни поверхностной. «Правитель должен быть благословением своего народа», — часто повторял отец Эллы, и он сам, и его жена, Алиса Гессенская, этому принципу старались следовать. Их дети с малолетства были приучены помогать людям, невзирая на ранги, — к примеру, каждую неделю ходили в больницу, где дарили цветы тяжелобольным, ободряли их. Это вошло в их кровь и плоть, точно так же воспитывали своих детей Романовы.

Даже отдыхая в своем подмосковном имении Ильинском, Сергей Александрович и Елизавета Федоровна продолжали принимать просьбы о помощи, об устройстве на работу, о пожертвовании на воспитание сирот — все это сохранилось в переписке управляющего двором великого князя с разными людьми. Однажды пришло письмо от девушек-наборщиц частной типографии, осмелившихся просить позволить им спеть на Литургии в Ильинском в присутствии великого князя и княгини. И эта просьба была исполнена.

В 1893 году, когда в Центральной России бушевала холера, в Ильинском открылся временный медпункт, где осматривали и при необходимости срочно оперировали всех нуждающихся в помощи, где крестьяне

Благотворительность, которой занимались Сергей Александрович и Елизавета Федоровна, не была ни показной, ни поверхностной.

могли остаться в специальной «избе для изоляции» — как в стационаре. Медпункт просуществовал с июля по октябрь. Это — классический пример того служения, которым всю жизнь занимались супруги.

«Белый брак», которого не было

Принято считать, что Сергей и Елизавета намеренно вступили в так называемый «белый брак»: решились не иметь детей, а посвятить себя служению Богу и людям. Воспоминания близких и дневники свидетельствуют о другом.

«Как бы я хотел иметь детей! Для меня не было бы большего рая на земле, будь у меня собственные дети», — пишет в письмах Сергей Александрович. Сохранилось письмо императора Александра III жене, императрице Марии Федоровне, где он пишет: «Как жаль, что Элла и Сергей не могут иметь детей». «Из всех дядьев мы более всего боялись дядю Сергея, но, несмотря на это, он был нашим фаворитом, — вспоминает в дневниках племянница князя Мария. — Он был строг, держал нас

в благоговейном страхе, но он любил детей... Если имел возможность, приходил, чтобы проследить за купанием детей, укрыть одеялом и поцеловать на ночь...».

Великому князю было дано воспитать детей — но не своих, а брата Павла, после трагической гибели при преждевременных родах его жены, греческой принцессы Александры Георгиевны*. Непосредственными свидетелями шестидневной агонии несчастной женщины были хозяева имения Сергей и Елизавета. Убитый горем Павел Александрович несколько месяцев после трагедии был не в состоянии ухаживать за своими детьми — малолетней Марией и новорожденным Дмитрием, и эту заботу целиком и полностью взял на себя великий князь Сергей Александрович. Он отменил все планы и поездки и остался в Ильинском, участвовал в купании новорожденного — который, кстати, и выжить-то не должен был, по единогласному мнению врачей, — сам обкладывал его ватой, не спал ночами, заботясь о маленьком князе. Интересно, что в дневник Сергей Александрович записывал все важные события из жизни своего подопечного: первый прорезавшийся зуб, первое слово, первый шаг. А после того как брат Павел вопреки воле императора вступил в брак с женщиной, не принадлежавшей к аристократическому роду, и был изгнан из России, его детей, Дмитрия и Марию, окончательно взяли на попечение Сергей и Елизавета.

Почему Господь не дал супругам собственных детей — Его тайна. Исследователи предполагают, что бездетность великокняжеской пары могла быть следствием тяжелой болезни Сергея, которую он тщательно скрывал от окружающих. Это еще одна малоизвестная страница жизни князя, которая совершенно меняет привычные многим представления о нем.

Зачем ему корсет?

Холодность характера, замкнутость, закрытость — обычный список обвинений против великого князя.

К этому еще добавляют: гордец! — из-за его чересчур прямой осанки, придававшей ему надменный вид. Если бы знали обвинители князя, что «виновник» гордой осанки — корсет, которым он вынужден был поддерживать свой позвоночник всю свою жизнь. Князь был тяжело и неизлечимо болен, как и его мать, как и его брат Николай Александрович, который должен был стать российским императором, но скончался от страшного недуга. Свой диагноз — костный туберкулез, приводящий к дисфункции всех суставов, — великий князь Сергей Александрович умел от всех скрывать. Только жена знала, чего это ему стоит.

«Сергей очень страдает. Ему снова нездоровится. Очень нужны соли, горячие ванны, без них он не может обходиться», — пишет Елизавета близким родственникам. «Вместо того чтобы отправиться на прием, великий князь принимал ванну», — ёрничала газета «Московские ведомости» уже в предреволюционное время. Горячая ванна — чуть ли не единст-

* В память о принцессе Александре супруги том же году устроили в Ильинском родильный приют. Крестьяне охраняли его от расхищения в годы революции, и приют проработал до 1960-х годов, пока в райцентре не появился новый родильный дом. — *Ред.*

▲ Великий князь Сергей Александрович незадолго до гибели

◀ Остатки кареты великого князя Сергея Александровича после взрыва

► Великая княгиня Елизавета Федоровна — настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия. 1910-е гг.

венное средство, снимающее боли — суставные, зубные, — которые мучили Сергея Александровича. Он не мог ездить верхом, не мог обходиться без корсета. В Ильинском еще при жизни его матери была устроена кумысная ферма для лечебных целей, но болезнь с годами прогрессировала. И если бы не бомба студента Ивана Каляева, очень возможно, генерал-губернатор Москвы все равно не прожил бы долго...

Хотя закрыт, немногословен и замкнут великий князь был с детства. А можно ли было ожидать другого от ребенка, чьи родители фактически находились в разводе, который тем не менее не мог состояться? Мария Александровна жила на втором

этаже Зимнего дворца, не имея уже супружеского общения с мужем и терпя присутствие фаворитки государя — княжны Долгоруковой (она стала его женой после смерти Марии Александровны, но пробыла в этом статусе меньше года, до гибели Александра II). Крах родительской семьи, глубокая привязанность к матери, кротко терпевшей это унижение, — факторы, которые во многом определили формирование характера маленького князя.

Они же — поводы для клеветы, слухов и злословия в его адрес. «Не в меру религиозен, замкнут, очень часто бывает в храме, причащается до трех раз в неделю», — это самое «подозрительное» из того, что сумела выяснить о князе английская разведка перед его вступлением в брак с Елизаветой, как-никак — внучкой английской королевы. Репутация почти безупречная, и тем не менее еще при жизни на великого князя выливались потоки клеветы и нелепых обвинений...

«Терпи — ты на поле брани»

Поговаривали о распутном образе жизни генерал-губернатора Москвы, по первопрестольной распускались слухи о его нетрадиционной сексуальной ориентации, о том, что Елизавета Федоровна очень несчастлива в браке с ним — все это еще при жизни князя звучало даже в английских газетах. Сергей Александрович поначалу терялся и недоумевал, это видно из его дневниковых записей и писем, где он ставит один вопрос: «Почему? Откуда все это?!»

«Терпи всю эту прижизненную клевету, терпи — ты на поле брани», — писал ему великий князь Константин Константинович.

Нападок, обвинений в надменности и равнодушии не удалось избежать и Елизавете Федоровне. Безусловно, основания для того были: несмотря на широчайшую благотворительную деятельность, она всегда держала дистанцию, зная цену своему статусу великой княгини — принадлежность к императорскому дому едва ли предполагает панибратство. И характер ее, проявившийся с детства, давал повод для таких обвинений.

В наших глазах образ великой княгини, надо признать, несколько елейный: нежная, кроткая женщина со смиренным взглядом. Этот образ сложился, конечно, не без оснований. «Ее чистота была абсолютна, от нее невозможно было оторвать взгляд, проведя с ней вечер, каждый ожидал часа, когда сможет увидеть ее на следующий день», — восхищается тетей Эллой ее племянница Мария. И в то же время нельзя не заметить, что великая княгиня Елизавета обладала волевым характером. Мать признавала, что Элла — прямая противоположность старшей послушной сестре Виктории: очень сильная и отнюдь не тихая. Известно, что Елизавета очень жестко отзывалась о Григории Распутине, считая, что его смерть была бы лучшим выходом из сложившейся при дворе катастрофической и нелепой ситуации.

Как сказали бы сегодня, великая княгиня была первоклассным управленцем, филигранно умеющим организовать дело, распределить обязанности и следить за их исполнением. Да, она держалась несколько отстраненно, но вместе с тем не игнорировала малейших просьб и нужд тех, кто к ней обращался. Известен случай во время Первой мировой войны, когда раненый офицер, которому грозила ампута-

ция ноги, подал просьбу пересмотреть это решение. Ходатайство попало к великой княгине и было удовлетворено. Офицер поправился и впоследствии, во время Второй мировой войны, занимал должность министра легкой промышленности.

Безусловно, жизнь Елизаветы Федоровны кардинально изменилась после страшного события — убийства любимого мужа... Фотография развороченной взрывом кареты тогда была напечатана во всех московских газетах. Взрыв был такой силы, что сердце убитого нашли только на третий день на крыше дома. А ведь останки Сергея великая княгиня собирала собственными руками. Ее жизнь, ее судьба, ее характер — все изменилось, но, конечно, вся предыдущая, полная самоотдачи и деятельности жизнь была подготовкой к этому.

«Казалось, — вспоминала графиня Александра Андреевна Олсуфьева, — что с этого времени она пристально всматривается в образ иного мира..., <она> посвятила себя поиску совершенства».

«Мы с тобой знаем, что он святой»

«Господи, сподобиться бы такой кончины!» — писал в своем дневнике Сергей Александрович после гибели от бомбы кого-то из государственных деятелей — за месяц до собственной смерти. Он получал письма с угрозами, но игнорировал их. Единственное, что князь предпринял: перестал брать с собой в поездки детей — Дмитрия Павловича и Марию Павловну — и своего адъютанта Джунковского.

Великий князь предчувствовал не только свою смерть, но и трагедию, которая захлестнет Россию через десятилетие. Он писал Николаю II, умоляя его быть более решительным и жестким, действовать, принимать меры. И сам такие меры предпринимал: в 1905 году, когда восстание разгорелось в студен-

Елизавета Федоровна отправилась в тюрьму к убийце супруга со словами прощения и призывом к покаянию.

ческой среде, он отправил студентов на бессрочные каникулы, по домам, не дав разгореться пожару. «Услышь меня!» — пишет и пишет он в последние годы государю императору. Но государь не услышал...

4 февраля 1905 года Сергей Александрович выезжает из Кремля через Никольские ворота. За 65 метров до Никольской башни раздается взрыв страшной силы. Кучер смертельно ранен, а Сергей Александрович разорван на части: от него осталась голова, рука и ноги — так князя и похоронили, соорудив специальную «куклу», в Чудовом монастыре, в усыпальнице. На месте взрыва нашли его личные вещи, которые Сергей всегда носил с собой: образки, крест, подаренный матерью, маленькое Евангелие.

После трагедии все, что не успел сделать Сергей, все, во что он вложил свой ум и неумную энергию, Елизавета Федоровна считала своим долгом продолжить. «Я хочу быть достойна водительства такого супруга, как Сергей», — писала она вскоре

после его смерти Зинаиде Юсуповой. И, вероятно, движимая этими мыслями, отправилась в тюрьму к убийце супруга со словами прощения и призывом к покаянию. Она работала до изнеможения и, как пишет графиня Олсуфьева, «всегда спокойная и смиренная, находила силы и время, получая удовлетворение от этой бесконечной работы».

О том, чем стала для столицы основанная великой княгиней Марфо-Мариинская обитель милосердия, существующая и поныне, трудно сказать в нескольких словах. «Господь отмерил мне так мало времени, — пишет она З. Юсуповой. — Надо еще очень многое успеть сделать»...

***

5 июля 1918 года Елизавета Федоровна, ее келейница Варвара (Яковлева), племянник Владимир Павлович Палей, сыновья князя Константина Константиновича — Игорь, Иоанн и Константин, и управляющий делами князя Сергея Михайловича Федор Михайлович Ремез были сброшены в шахту под Алапаевском.

Мощи великой княгини покоятся в храме, который построил ее муж, — храме святой Марии Магдалины в Гефсимании, а останки великого князя перенесены в 1998 году в Новоспасский монастырь Москвы. Она канонизирована в 1990-е годы, а он... Похоже, святость бывает очень разная, и великий — действительно великий — князь Сергей Александрович вновь остался в тени своей великой жены. Сегодня комиссия по его канонизации возобновила работу. «Мы ведь с тобой знаем, что он святой», — говорила в переписке Елизавета Федоровна после смерти мужа. Она знала его лучше всех... **Ф.**

Валерия Михайлова